

Михаил Косолапов (текст)
Лада Шаповалова (картины)

ОХОТА НА КЛЕРКА

Сюжет в 12 картинах с прологом и эпилогом

mxl-press, 2004

Пролог.

Далекое будущее. Человечество выродилось в расу "гениальных" художников. Каждого младенца сканируют и, по результатам тестов, развивают в нем задатки творца. Бездарным от природы малышам пересаживают половые железы бабуинов, меняют пол и будущий образ мыслей, генетически модифицируют или физически уродуют. Золотой век поразил Землю как холера.

Картина девятая. Шесть беременных баб (рождение Клерка)

И было сказано: настанет день и придет некто, рожденный от шести баб. А с ним восстанет из праха блуд и мерзость труда и обратится в прах вековая власть искусства над умами. Но не сразу, конечно, не сразу...

Шесть беременных баб стенают у стены.

Корифей (недовольно):

Что ж вы дуры, священных книг не читали?
Огненные знаки на небесах не вам показывали?
Все просрали, вашу мать!
Ну держитесь теперь. Сами виноваты.

Первая баба:

всех нельзя винить за это
я особый индивид
воплоть страсти на рассвете
козопаса удивит
семена падут на пашню
о бессмысленный удел
тучной женщины вчерашней
кто б из вас не захотел

Вторая баба:

вот что меня волнует
по ряду причин
приобретая плавность движений
и грацию
люди утрачивают инстинкт размножения
и меняют ориентацию

Корифей:

Ну и что?
Художники репродуцируются, как произведения
самих себя.
Знаю по себе.

Третья баба:

буду с мухами дружить
буду родине служить
буду петь раздвинув ноги
с кем бы голову сложить?

Четвертая баба:

глупо стоя на коленях
локтем бить по простыне
воскликая гений гений
скачет на моей спине
в зеркале стенного шкафа
в отражении своем
подхватив подол рубахи
пальцем трогать мумие

Пятая баба:

я молчу я молчу я молчу
о боже о боже о боже
сколько можно оправдываться
сколько можно унижаться
перед этим грубым корифеем?
мужлан, мачо, пидарас (в сторону корифея)

Корифей (с сомнением):

Гы!

Шестая баба:

поделом посажен в лужу
по конструкции своей
тело женщины уклуже
как венерин воробей
ни природой ни наукой
сей эффект не объяснить
тело крючат сладки муки
вьют из потной плоти нить
той грядущей жизни ворох
коллективно разделя
кто бы знал что вспыхнет порох
без огня и фитиля

**Страсти по Клерку.
Картина пятая. Лебедь петропавловский.**

В полном соответствии с предсказанием, младенец клерк демонстрировал выдающиеся способности к искусствам. Его универсальный гений являл себя во всех областях. Однажды, в юном возрасте, сдавая экзамен по уличному перформансу, он простоял в позе «ласточка» три дня и три ночи среди живописных руин некогда Петропавловской крепости. Разные мысли вертелись у него в голове. Например, такие:

Тень Клерка:

Вот если бы из бетона сделать клюку да как жahnуть

Палка в два конца да без лица

Потихонечку полегонечку мистер муравей восстает из пепла

Какое ласковое имя косуля беллерофонтвна

И сказало помело много снегу намело (с эстонским акцентом, на мотив «Гуадеамус»)

Вонь какая-то особенная вся наша свободная пресса

Душа человека состоит из двух коней: черного и белого

Картина третья. Фрисби (бессмысленное и неприличное видение Клерка №1)

Вскоре юноша стал жаловаться на обрывочные видения. Некоторые из них он в тайно поведал своему психоаналитику. Было в языке, предметах и сюжетах его бессвязных видений нечто ярое и необузданное как жеребец.

Хор:

эта картина здесь ни при чем но ее мы озвучить решили поскольку верим что смысл есть непременно во всем если в футболе он есть, в шахматах, в глупом балете можно ли нам утверждать что бессмысленно фрисби?

Участники хора меняются местами и продолжают.

Хор:

странное это занятие постичь удастся не многим следует правой рукой круглый предмет обхватить (впрочем иные считают левой рукою сподручей бог им судья пусть коснутся в своем заблужденье) нам большинства разделяющим взгляды пристало праведной правой руки перст указующий вдоль низкого борта направить прочими пальцами обод к ладони своей притянув.

Участники хора меняются местами и продолжают.

Хор:

далее встань как на картине напротив партнера прицелься получше снаряд закрути что есть мочи точным броском в руки партнера направь помни при этом чтобы полет не прервался плавлен и радостен был как походка жирафы плоскость снаряда в броске соизмеряй горизонту ибо устойчивей нет плоскости тверди земной...

Корифей:

Что еще за ерунда! Заткнитесь!

Хор:

заткнемся но прежде напомним: странное это занятие коего смысл ускользает за давностью срока безумец опасный чье имя пляясь и ругаясь не скажем видел в кошмарах своих наяву и пытался освоить

Картина первая. Бухгалтерское танго (бессмысленное и неприличное видение Клерка №2)

Звуки аргентинского танго. Тематическая корпоративная вечеринка: Милонга в офисе. Сотрудники жмутся вдоль стен. Младая бухгалтерша в легком подпитии пританцовывает в ожидании партнера.

Корифей (учтиво):

Разрешите вас пригласить на танец?

Младая бухгалтерша (независимо):

Разрешаю.

Корифей (танцую вокруг да около):

Ведь вы из бухгалтерии?

Младая бухгалтерша (кокетливо):

Какой вы проникательный. Как вы догадались?

Корифей (рассудительно):

Это оттого, что вы слишком хорошо танцуете для такой невзрачной девицы.

Младая бухгалтерша (обиженно):

Не хамите. А то наступлю вам на ногу.

Корифей (загадочно):

Да-да, слишком хорошо. Только бухгалтерши умеют так быстро напиваться и так складно танцевать.

Младая бухгалтерша (наступает на ногу):

Так я по-вашему пьяна?

Корифей (игриво):

Ай-ай! В стельку!

Младая бухгалтерша (хохочет):

И правда. Что-то я сегодня действительно набралась.

Корифей (заботливо):

Это ничего. Главное завтра не опоздать на работу. Вам нельзя опаздывать.

Младая бухгалтерша (воодушевляясь):

Только не говорите о работе. У меня такая однообразная работа. Ни слова больше о работе. Но знаете, зато я могу пораньше уходить с работы, когда не надо печатать платежки. Ведь я так люблю танцевать. И бухать. Вы меня проводите домой? Я так напилась. Вы такой милый. Я давно за вами наблюдаю. Вы любите пельмени?

Корифей (коварно):

Конечно-конечно. Как я вас понимаю.

Картина шестая. Бойцовский клуб (начало безумия).

Безумие охватило его не случайно. На то указывали многие приметы. Часто бывал он тих и молчалив на вернисаже. С пластиковым стаканчиком руке стоял он, выкатив бельма, и бормотал ни с кем ни о чем. Несведущие художники сочли эти симптомы признаками глубокой задумчивости, не разглядев за ними двойственной природы безумия.

Левое полушарие мозга Клерка:

я бы такое хотел сочинить представлень
чтобы сердца человечья за яйца потрогать
плакали чтоб и смеялись и слышалось пенье
чтоб рыбаки не лупили бы нерпу острогой
доброе нечто в сердцах пробудилось бы следом
слезы бы чтоб пролились на пиджак и штиблеты
скорбную снедь поглощая за бизнес-обедом
вздрыгнул бы некто как будто протянутый плетью
и обернулся на зов ниоткуда с любовью
пепел отринул и вышел навстречу закату
выю бы выгнул и выгнал упряжку воловью
потом бразду оросить и орало закапать
теплое чтоб молоко под скотиной струилось
чтобы жирели в амбаре ленивые мышцы
чтоб на земле утвердились порядок и милость
и о войне никогда бы никто не услышал

Корифей (аплодируя):

Молодец. Хорошо сказал. Оба хорошо сказали.
Вот бы вскрыть черепушку, да и посмотреть как забавно все там устроено.

Правое полушарие мозга Клерка:

Слова слова... иль ты и впрямь поэт?
Ну что ж, твори – бумага не краснеет!
И не такие бредни видел свет,
И все одно не стал от них темнее.
Ты не один, вам имя легион,
Мильоны вас, поганных стихотворцев,
И каждый горд, что твой Наполеон,
Кропая хлам без рифм и пропорций.
Мильоны вас, вас тьмы, и тьмы, и тьмы...
Вы саранчою жадною без края
Заполнили печатные томы
Высокий слог – своим опустошая.
Живая мысль, тугая плоть стиха,
Стихия чувств, метания метафор –
Вам чуждо все, вам наша боль тиха,
В вас не творец живет, но имитатор.
Валяй, валяй, коль грамоте учен:
Дай денег музе, дай овса Пегаске
И тем скорее будешь уличен.
И в Лету канешь тихо, без огласки.

Картина вторая. Офис на берегу океана.

Корифей: Пусть сам расскажет. Пусть всем расскажет, как бежал на Таити со страшной как божья смерть бабищей, как вырубил пальмы и построил свой идиотский доисторический офис, как ради этого отказался от блестящей карьеры и сорвал выставочный график. А еще пусть расскажет как бросил жену, кстати, прекраснейшую из женщин. Она сама была произведение искусства. Мы сделали ее из отборного материала, из красавиц прошлого. Она была прекрасна как Елена, Клеопатра, Беатриче, и балерина Волочкова разом, умна как Сьюзен Зонтаг, сильна как толкательница стальных ядер. Гениальная исполнительница постельных сцен, гибкая как камасутра. Мы создали ее, чтобы этот придурок ни в чем не знал нужды. А дети?! Он же бросил своих детей! Представьте себе, они бежали за этим бездарным козлом и кричали ему в след «папочка вернись!»...

Тень Клерка:

мне голос был он звал утешно
он убеждал грозил «внемли-пойми»
я видел океан гарцующий безбрежно
вдали от мест стреноженных людьми
над ложем вод под сенью звезд крошечной
вознесся новый офис...

Корифей:

Замолчи. Нет сил слушать твои бредни.

Тень Клерка (бесстрастно продолжает):

я торговать хотел
бессмысленным товаром
кредиты получать
и править договор
сотрудницей молодой
среди платежей с жаром
бездумно овладеть
всего-то ничего
лишь милых пустяков
чтоб в пятницу нажраться
чтоб фитнес пропустить
когда проект горит
в бессилии упасть
до хрипа оборотья
и чтобы по ночам
терзал меня гастрит
мне ваша жизнь претит
мне мерзок вид искусства
курьер последний мне
приятнее чем вы
ни слова в простоте
вертлявые мангусты
как не окаменеть
когда весь мир червив?

Каменеет, превращаясь в гигантского Истукана, и уходит. Истукан остается торчать.

Картина восьмая. Разрушение Высокохудожественного Истукана.

Увы, бездарные идеи Клерка находили странный отклик в сердцах гениальных художников. Его многочисленные поклонники готовы были истолковать любой жест своего кумира как произведение искусства. Новая статуя, возникшая столь загадочным образом, вызвала ажиотаж и породила смуту в определенных кругах художественной общности. Дабы избежать брожения умов, верховный совет художников принял трудное, но единственно правильное решение: демонтировать Истукана. Но пока вопрос обсуждался на художественном совете, поклонники клерка разобрали статую по частям и унесли в свои катакомбные офисы.

Первый катакомбный клерк:

Какая тяжелая у него голова. Я ненавижу художественную рефлексю. Я хочу снова стать тупым и кровожадным либералом.

Второй катакомбный клерк:

Постой, мне надо перехватить. Я совершенно с тобой не согласен, но готов отдать жизнь, за твое право говорить всякую ерунду в рабочее время.

Первый катакомбный клерк (роняя голову от удивления):

В каком смысле?

Второй катакомбный клерк:

А в таком. Мы требуем двенадцатичасового рабочего дня без сверхурочных, так?

Первый катакомбный клерк:

Так.

Второй катакомбный клерк:

Мы требуем, чтобы нам предоставили для обустройства офиса огромный полуразвалившийся свинарник, в котором летом холодно, а зимой невыносимо жарко?

Первый катакомбный клерк: (с жаром):

Да-да!

Второй катакомбный клерк:

Берись крепче. Раз-два взяли! Рано или поздно мы победим, историю не повернуть вспять. Мы сметем этих гнилых лицемеров с лица земли вместе с их бесчеловечным искусством. В каждом свинарнике, в каждой выгребной яме, на земле и под водой мы построим удушливые офисы, сядем в них и будем друг друга угнетать и штрафовать. Потому что за нами будущее.

Первый катакомбный клерк:

А причем здесь мои права?

Второй катакомбный клерк:

Я забыл. Да какая разница, как сказал кто-то. Какая разница.

Картина двенадцатая. Избиение непреклонной секретарши.

Местонахождение Клерка долго оставалось неизвестным. О его существовании напоминали электронные, а чаще телепатические распоряжения, которые он отдавал своим последователям. Когда разрушительное действие воинствующей бездарности на умы современников достигло апогея, радикальные художники изловили и под пыткой вырвали у его уродливой секретарши признание. То, что осталось от секретарши, пришлось позднее умертвить из жалости и отвращения.

Секретарша:

отчего на ваших лицах
нет ни мыла ни воды
вы приехали в столицу
православны и горды

Радикальные художники:

цыц
сделай нам покрепче кофе
подавай пакетик-чай
и на строгие вопросы
ну-ка быстро отвечай
где вино и минарет
кто там ходит не одет
для чего живете люди
жрете, срете – смысла нет

Секретарша:

спрашивай у ясеня
выясни у облака
кто в сенях припасы ел
не теряя облика
ничего вам не скажу
можете меня казнить

Радикальные художники:

и казним с удовольствием
но сначала помучаем
на вопрос продовольственный
все ответы получены

Корифей:

подложите-ка ей свинью

Радикальные художники:

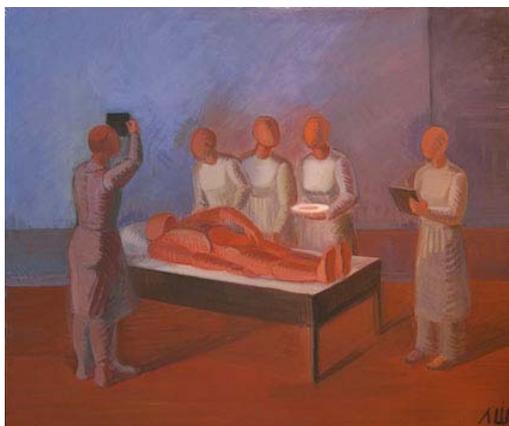
есть казни поизощреннее
мы сначала научим ее рисовать
а потом отберем краски
а лучше будем стоять у нее за спиной
и давать советы
или позовем ее на собеседование
а сами убежим
пусть мучается от тоски
или во время разговора
будем не отрываясь смотреть ей на грудь
и облизываться
попросим ее задержаться после работы
оштрафуем за опоздание
пообещаем оплатить ей МВА
а сами не оплатим
будем незаслуженно звать ее тупицей
и повышать на нее голос
грозить увольнением
дарить ей компьютерные коврики
с пошлыми картинками
травить салные анекдоты с утра до вечера
и при этом будем гоготать
да будем гоготать непрерывно
и ее заставим гоготать вместе с нами
вообще не будем обращать на нее внимания
как-будто она не женщина
а стул или папка для бумаг
а еще всему офису расскажем
что она нимфоманка
будем изводить ее телефонными звонками
подкрадемся со спины в коридоре
да как выскочим, да как выпрыгнем

Секретарша (в ужасе):

ах отчего я не летаю
как жуки и попугай?

Картина седьмая. Клиника.

Когда специальная команда натренированных художников высадилась на тропическом острове было уже поздно. Поэтому все легли спать. Охота началась утром. Клерк не долго сопротивлялся. Его рыхлое тело офисного сотрудника не могло противостоять дюжине крепких социальных активистов. Брыкающегося Клерка доставили в анатомическую лабораторию для изучения и, возможно, излечения. Выводы комиссии оказались неутешительными.

Хор:

внутри человека болото болото
в нем липкое сердце, желудок сердит
то булькает печень, то хлопнет зигота,
то газы выходят, то мышца смердит.
в трахее зловеще летают комочки
паскудная плесень сустав оплела
воняет аппендикс, слипаются почки
с кишкою, что раньше прямою была.
в башке человека пустыня пустыня
извилины вяло ссыпаются вниз
меж ними в руинах пока не остынет
бессильно противный повис гипофиз.
дерюжкой убогою мерзость прикрыта
как пень прошлогодний трухлявой корой
тоскливо бледнеют пленки менингита
вот кустик инсульта, а вот и второй.
бездвижен и жалок венец твой природа
когда для просмотра любому хамью
пещеристо-вялый сморчок детородный
откроет мясную структуру свою.
кровавые гниды склонились над телом
остова основу пилою круша
их помыслы черны сквозь саваны белы
незримо присутствуя видит душа.

Корифей:

Какое обосновательное предположение. Какая еще душа?
Подлинный шедевр искусства вскрытия. Браво, господа хирурги!
Не вылечить, так замочить.

Картина десятая. Крематорий.

В полуночный час, под покровом тьмы останки Клерка предали огню. Шесть художников-добровольцев вызвались отнести закрытый гроб в крематорий, дабы навсегда истребить память об изгое. Чтобы никто не догадался о цели их прогулки, всю дорогу их сопровождала веселая музыка. Кто бы знал, что это только начало, только начало конца “золотого века”...

Брамин заведующий крематорием:

На одного человека нужно триста килограммов дров.
По преисуранту выйдет две-три тыщи рупий.
Если деньги у вас с собой и покойник у вас готов -
тогда без промедления приступим.
Только проверим его соответствие цели и смыслу похорон.
будь он парс может предпочел бы ворон,
нет ли у него завещания?
Может он хотел бы упокоиться в башне молчания.
И, кстати, не хотите ли приобрести
разноцветные саваны - вам тоже когда-нибудь пригодится.
от трех метров в длину до десяти.
Как кому довелось родиться.
четыре расцветки для разных каст -
все чин по чину,
главное, чтобы не оказался педераст
этот высокий ладный мужчина.
На вид он европеоидной расы.
Кладите его на весы,
мы его перед сожжением немного украсим:
давайте пририсуем ему усы.
Вот здесь поставьте подпись: возраст не меньше пяти,
проказой не болен, змеєю не был покусан,
голым по свету не бродил, фокусы не крутил,
плод не вытравливал - все ОК! - к сожжению допущен,
но только в крематории. Не на открытом огне.
как ни крути, а усопший был европеоид белесый,
значит за всю свою жизнь сколько б ни находил
так и не нашел ответов на проклятые вопросы.
Все вы такие. Ну, с богом - пора и в печь.
Первый огонь очищает, а дальше уж сами.
Если судьбой не назначено в землю лечь -
горите себе в огне. Хотя б с пририсованными усами.

Эпилог

Картина одиннадцатая. Бунт клерков.

Студия-мастерская. Несколько художников в строгих деловых костюмах (вместо брюк на них клетчатые кильты расцветки кланов «стюарт» и «маклауд») заперлись внутри, занавесили окна, заткнули уши, закрыли глаза и живут по-старому. Снаружи слышен гомон, вопли побиваемых людей и шорох предметов. Некий бунт ли происходит повсюду? По-видимому наступают иные времена...

Корифей (задумчиво):

Чу!
побиваемых людей
воплъ несется с площадей
в лес по ягоды пойти ли
стать мишенью голой в тире
где мольберт стоял и стул
зреет хлябей жидкий гул
кто бежит куда откуда
где мой родина аул?

Хор:

слышим гомон повсеместно
стыдно стадно умирать
липкой влагою телесной
окружающих марать

Корифей:

Дураки!
художники не умирают
они превращаются в облигации
и в этом состоянии пребывают
как муравейник или клумба

Хор:

знаю знаю буки-веди
люди были как медведи
человек ступил в тупик
рыба чахла звери пахли
солнце тухло сей же миг
человек дичал и пух
испускал несвежий дух
с лопухом ходил до ветру

мыслящий себя лопух
кушал землю и припасы
точно муха-коростель
закрывал счета и кассу
прятал ночью от гостей

Корифей:

для художника земля
непригодна пищи для
лично я предпочитаю
кушать акварель
ах, какую роскошную акварель
делали когда-то в Санкт-Петербурге!
знали толк в акварели
не на гриле варили
не крутили на дрели
не сушили в печи
не мешали с изюмом
не давали угрюмым
не морили по трюмам
пахлаву палачи

Хор:

тут озимые поспели
бабы с девками сопели
пастухи селедку ели
русью пахло песни пели

Голос извне:

Он мог быть председатель земного шара,
но предпочел стать неким подобием клошара.
Где виновник торжества?

Картина четвертая. Гагарин (величественная тень клерка).

Над землей появляется безликий, как положительный герой, хрестоматийный тип с вытянутыми ногами. Он как-будто спит и видит. Или ест. Он ничего не делает. Он забыл про искусство и повис вверх головой.

Хор (в ужасе):

Ответь нам незнакомец
Куда зачем спешишь
И от каких поклонниц
В трубе твоей гашишь?
Не время ночь над миром
Бедлам и голь кругом
Кривляются кумиры
Секомы батогом
Гимнастов тучных телом
Неправед судит смерд
Ужель плевать хотел он
на свет жестокосерд

Гагарин искусно медитирует и делает вид, что не слышит. Или мучительно презирает кого-то.

Корифей (задумчиво):

Уж не стал ли он посмертно гомофобом?
А вот мы решили посвятить ему перформанс.
(показывая на Гагарина)
Хотите мы исполним частушки в его честь?
(обращаясь к зрителям)

Хор делает шаг вперед и торжественно произносит:

Птички по небу летают
Птицы песенки поют
Так и смотрят эти бляди
На кого б сверху посрать

Корифей (лицемерно):

Спасибо спасибо мы пойдем.
Нет сил чтобы сказать о том,
Как нам совестно.
Ведь мы, как выяснилось, убили его.

Хор:

Смерти нет тарам-парам
Нам твердили по утрам
Нас познают по картинам
И по разным номерам.

Корифей (обращаясь к Гагарину):

Пошел вон, скотина!
Не пытайся нас устыдить.
Нам не стыдно.
Мы платили налоги.
Мы не блудили с носорогами.
Мы не варили козленка в молоке его матери.
Мы все делали по закону.
Мы правы, мы правы, мы правы.

Хор и Корифей удаляются. Гагарин невозмутимо растворяется в небе.

все